

ЭТОТ ДРЕВНИЙ ЖАНР...

О баснях Николая Фотьева

О басне говорят, что ей одинаково присущи черты как стихотворного, так и драматического произведений. Со стихами ее сближает прежде всего чисто внешняя, формальная сторона: рифма, ритмически организованная речь. Впрочем, надо оговориться: есть и прозаические басни. Но в данном случае я имею в виду басню самую распространенную, утвержденную в русской литературе еще Сумароковым и прославленную знаменитым дедушкой Крыловым... С драмой же басню сближает и обязательность острого конфликта, и стремительность действия, и живой диалог. Да и в самой морали есть что-то резонерское, присущее пьесам времен классицизма. Недаром еще в восемнадцатом веке было сказано: «Басня есть малая комедия. Все различие их в том, что в одной звери бывают разумны, а в сей люди есть глупее скотов и, что еще хуже, злее зверей».

Как произведение стихотворное, годное для декламации, басню с успехом читают многие мастера эстрады, как драматическое — разыгрывают вроде сенок или одноактных пьес. И вот что еще показательное! Многие баснописцы, как правило, «совмещают» эту свою профессию с профессией или поэта (от В. Тредиаковского до Д. Бедного), или драматурга (Лессинг, Крылов). Другие же и вовсе выступают в трех жанрах сразу. Например, Сергей Михалков.

Да, для того, чтобы стать баснописцем, надо иметь дарование широкого диапазона, то есть быть и поэтом, и драматургом, и в то же время обладать счастливым даром сатирика и юмориста. «Склад басни должен быть шутилив...» — говаривал еще Сумароков. Так что талант баснописца — явление уникальное. Давайте обозрим современную литературу. У нас много поэтов, есть драматурги, а вот хороших баснописцев раз, два и — обчелся.

К чести нашего земляка, писателя Николая Фотьева, надо сказать, что он в полной мере наделен этим редкостным в природе художественного творчества талан-

том. Об этом свидетельствует его сборник басен «Глядя в корень»¹.

Что привело Фотьева к басне — случайность? Может быть. Я же вижу в этом определенную закономерность. В детстве любовь крестьянского паренька к животным, «героям» будущих его басен. В юности поступление на зоотехническое отделение сперва техникума, потом института. Наконец, работа в качестве зоотехника в колхозе.

Тот период для сельского хозяйства был особый, переломный. Пятидесятые годы — кто их не помнит! Обновление происходило не просто, а в постоянных конфликтах, в борьбе со старым, привычным. В гуще этой борьбы находился и будущий писатель. Может быть, именно горячее стремление как можно скорее добиться необходимых результатов, покончить с недостатками и заставило Фотьева взяться за перо. Тем более, он имел на это полное моральное право: и как человек, с малых лет кровно связанный с деревней, и как специалист, отдающий ей и силы свои, и знания.

Не удивительно, что первые его басни были посвящены как раз самым больным, самым животрепещущим вопросам, которые волновали тогда село. Например, вопрос планирования. Ведь что греха таить, люди, выросшие на земле, досконально знающие ее возможности, были как бы отлучены от земли, едва заходила речь о севооборотах, о сроках сева или уборки. И планы, и директивы спускались сверху, а земледельцу оставалась только незавидная роль исполнителя. Результаты такой политики Фотьев остроумно и гротескно высмеял в одной из первых своих басен, которая так и называлась «Строго по плану». Житель юга Слон «велел везде выращивать бананы», в том числе и на севере. В ответ:

Медведь писал: «Средь наших мест
Все земли мерзлые, и тут

Бананы не растут».

А Слон угрозы шлет ему, правоученья:
«Не земли мерзлые у вас, а настроенья».

Появляются в баснях Фотьева и одиоз-

¹ Н. Фотьев. Глядя в корень. Басни. Хабаровск, Кн. изд., 1980.

ные фигуры «толкачей». Так окрестили в селе некоторых уполномоченных, которые с делом ли, без дела порой дневали и ночевали в деревне. Иногда такой представитель, хотя и мало смыслил в сельском хозяйстве, однако наделялся большими полномочиями. И поучать мог, и приказывать, и отменять чужие приказы. К чему это приводило, хорошо показано в басне «От семи нянек». Ивана Кузьмича, принявшего дела,

...начальство стало навещать
И поучать.

Один диктует взяться за учет,
Другой наоборот,
Учет, мол, обождет...
Задержали Ивана Кузьмича.

Иван Кузьмич хоть «старался» и «бился», как пишет автор. Но ведь случалось и так, что, привыкнув жить по указке, люди вообще теряли всякую инициативу.

Верблюды как будто не дурак,
А вел свое хозяйство так:
Исполнит то, что Слоны прикажет,
Почешется, зевнет и ляжет.

Не все, особенно первые, басни равноценны. Рядом с серьезными, глубокими по содержанию, встречаем и мелковатые по теме, и не слишком остроумные. И все-таки и в пору дебюта, и теперь заметно, что читатели неравнодушны к творчеству нашего амурского баснописца. И не столько потому, что жанр басни более «выигрышный», более «читабельный», чем другие. Нет, просто басни Фотьева стали весьма заметным явлением благодаря глубине содержания, естественности интонации, правдивости в изображении действительности. И права была газета «Амурская правда», которая еще в 1959 году в одном из своих номеров опубликовала следующий дружеский шарж, посвященный поэту-баснописцу:

Слегла Овечка, захандрил ли Крот —
Любой симпом ему сейчас же ясен.
Давно постиг он весь звериный род
Как зоотехник и создатель басен.

Впрочем, уже на первых порах к бочке меда была примешана и ложка дегтя. Не всем пришлась по душе острая критическая направленность фотьевских басен. Кое-кто и поглядывать стал косо, и поговаривать: а не клеветает ли он, дескать, на нашу жизнь, на наших людей?!.. А между тем Фотьев всегда стоял и стоит на здоровых позициях писателя-реалиста. То есть не критика во что бы то ни стало, не погоня за «клубничкой», а естественное стремление обратить внимание общественности на такие взволновавшие душу факты, которые действительно мешают нам жить и работать.

Мешало Фотьеву в его работе, в его общении с читателем, как ни странно, предвзятое отношение к басне как жанру. Впрочем, стоит ли недоумевать! Отвергать жанры в наше время вошло в мо-

ду. Стоит почитать иные критические статьи — и может показаться, что для отечественной литературы наступили тревожные дни. Поэма? Переживает кризис. Роман? Отмирает. Рассказ? В агонии. Что же касается басни, то она в числе отпеваемых оказалась одной из первых. То, дескать, близость к другим жанрам лишает басню самостоятельности, то она, мол, ограничена как жанр: показывать кошек да собак — это ли занятие для литературы. Такое говорилось Фотьеву нередко прямо в глаза. Критиков наш баснописец выслушивал спокойно, прямо-таки по-крыловски стоически, но занятия своего не бросал.

Но вот что интересно. Люди, относящиеся к басне с предубеждением и потому читающие ее с пятого на десятое, вдруг меняли свое мнение, едва прослушивали произведения в авторском исполнении. Я был участником двух семинаров, где обсуждались басни Фотьева, и вот что услышал от маститых критиков.

Один сказал: «Оказывается, надо было проехать восемь тысяч верст, оказаться в Благовещенске, чтобы убедиться в нужности басни».

А вот мнение другого: «У нас пишется много басен, но мало печатается, а еще меньше среди них талантливо написанных. Басни Фотьева — счастливое исключение. У автора естественное чувство смешного...»

Но, пожалуй, надежней всего слово читателя. А выражается оно в том, как покупается книга. Сборник Фотьева «Басни», вышедший в 1969 году тиражом в пятнадцать тысяч экземпляров, исчез с полок книжных магазинов немедля. Обидно, что на этот раз, спустя более десяти лет, новая книга баснописца выпущена всего лишь трехтысячным тиражом. А ведь она и по содержанию богаче, и по количеству вошедших в нее произведений.

Большое влияние на формирование Фотьева как писателя оказала его работа в газете. Правда, иные говорят, что газета, дескать, только мешает будущему писателю: приучает его к поспешности в работе, обедняет его язык, лишает оригинальности стиль. Все это, конечно, так, но... только в применении к тем, кто идет по линии наименьшего сопротивления, кто не способен быть писателем и не хочет стать хорошим журналистом, настоящим литератором.

Верно, профессии эти несхожие. Работа журналиста более беспокойная, работа литератора более капризная, мучительная. Газета живет злобой дня, литература — злобой времени. И все-таки резкую грань между ними провести трудно. Ведь как бы ни было масштабно время, оно в конечном счете состоит из обыкновенных, мелькающих, как в калейдоскопе, дней, в каждом из которых есть свои малые и большие проблемы. Какие бы вечные темы ни волновали писателя, они мертвы, если не пульсирует в них живая кровь нашей текущей жизни, то есть той самой «злобы

дня», которой, собственно, и заняты газеты.

Да, журналист не имеет возможности иной раз глубоко исследовать то или другое явление или характер, он должен быть оперативен. Для него так же, как, впрочем, и для читателя газеты, важен прежде всего конкретный факт. Но ведь, если ты хочешь заняться литературой, ничто не мешает тебе из огромного моря этих фактов выбрать один-единственный, изучать его более глубоко и в конце концов сделать явлением литературы. Были бы лишь способности да желание. Рылеев, Дельвиг, Пушкин, Некрасов — разве они были только поэтами?.. Я уж не хочу напоминать о многих наших современных прозаиках и поэтах.

Говорят об утрате собственного стиля письма. Но ведь есть еще и любовь к родному языку, и само чувство языка. Кому все это дано от природы, кто воспитан на лучших достижениях отечественной литературы, тот надежно защищен и от сурости, и от словесной бедности, и от любой утраты стилевого своеобразия. Да и не так уж он плох, этот так называемый газетный язык, окажись он в хороших руках. Под умелым пером он и толков, и добротен, и ясен.

Все, что сказано выше, — не отступление от темы, но продолжение ее. Газета научила Фотьева сжатости и конкретности языка и постепенно привела к художественной прозе: очерку, рассказу, повести. Она расширила его жизненный кругозор. Если раньше он как зоотехник мог судить о сельской действительности на примере одного или нескольких сел, то теперь от командировки к командировке перед ним открывались десятки самых различных хозяйств. Острый глаз, цепкая память вбирали в себя десятки лиц и характеров, сотни мелких черточек в мыслях и поведении людей, то есть именно то, что и нужно писателю для его работы. Положительное находило свое выражение в прозе, отрицательное — в баснях.

Постепенно расширялась тематика басен. Они становились более многозначны и многозначительны, ибо в лучших из них автор научился суммировать факты, высмеивать не только сам по себе тот или иной отрицательный факт, но явление в целом, в его обобщенном виде. К примеру, очковтирательство. Общеизвестно, что в основном это означает или приписки, или преждевременные рапорты о выполнении невыполненных планов, то есть обман государства в явном и неприглядном виде. Однако внимательный взгляд писателя обнаружил и всевозможные разновидности этого позорного явления. Сколько переполоха вызывает, например, всякий раз на предприятии или в организации ожидаемый приезд комиссии. И запущенную документацию дооформляют, и чистоту, о которой никогда прежде не заботились, везде и всюду наводят, и наглядную агитацию обновляют. Остается, пожалуй, толь-

ко лозунг «Добро пожаловать» над входом повесить да оркестр выставить — и парад можно начинать. Мы к таким авра-лам привыкли, принимаем их как само собой разумеющееся. А вот баснописец справедливо заметил в этом элемент очковтирательства или, как говорят в народе, той самой «показухи», от которой душу воротит. И не только заметил, но и с присущим ему сарказмом высмеял, а точнее, разоблачил в басне, которая так и называется — «Комиссия».

Свинья что было прыти
Во двор к себе влетела
И — ну скрести в корыте,
И рыло мыть, и тело.
— Что вижу я! — Хохлатка

удивилась. —

Ведь ты ж не мылась отродясь.
— Ох, милая. Комиссия явилась.
Да ведь она за вонь и грязь
Меня разложит на лопатки!..
И вот Свинья и хлев в порядке.
Пришла комиссия.

— Недурно, — говорит Медведь, —

недурно.

Да ты чистюля, вижу я.

— Как видите. Живем культурно, —
С достоинством ответила Свинья.

Басня удалась потому, что очковтирательство как явление здесь показано не только через убедительный факт, но и через характер. В самом деле, сколько в поведении «чистоплотной» Свиньи умения ловчить, сколько самодовольства, сколько наглости опытного очковтирателя, только и знающего, что пыль в глаза пускать! Нет, это уже не просто характер, это тип, изображенный ярко и верно.

Типичен и образ Осла в басне «Артист», написанной настолько просто и выразительно, что она могла бы украсить любую школьную хрестоматию.

На сцене у зверей однажды пьеса шла,
И неожиданно беда случилась:
В последнем акте статуя была,
Она упала и разбилась.
Как быть? Спектакль нельзя отставить.
И дело выдумка спасла.
Решили вместо статуи поставить
Живого, настоящего Осла.
Стоять ему велели без движений,
Чтоб даже ухом шевельнуть не смел.
Все это, после долгих наставлений,
Осел, хвала ему, уразумел.
Спектакль окончился. Творцам его —
почет.

Летят цветы, несется: «Браво, браво!..»
Осел все это принял на свой счет
И важно кланялся налево и направо.

Не знаю, только ли глупца хотел показать в образе Осла автор. Мне эта фигура представляется несколько сложнее. Да, конечно, он глуп, этот Осел. Но ведь говорят почему-то, что хитрость — это ум дурака. Человеку умному, талантливому хитрить некогда, да и едва ли придет в голову. Он занят работой. В ней его при-

звание, проявление его личности, вся его жизнь. Это глупцы, чаще всего неспособные к чему-то серьезному в жизни и поэтому равнодушные к делу, заняты тем, как бы проехаться за чужой счет, найти теплое, хорошо оплачиваемое местечко. Обычно они важны, серьезны и немногословны. Они выжидают в поисках удобного момента. Так что Осел, который терпеливо стоял вместо статуи, не так уж и безобиден. В этих его поклонах виден хотя и довольно грубый, но точный расчет — примазаться к чужой славе, что-то извлечь из нее для себя.

Не исключено, что кто-то поймет эту басню по-иному. Она многозначна, как и любое другое талантливое произведение. Хорошо по этому поводу сказал поэт Вадим Шефнер: «Плохие стихи — это как план дома, начертанный на песке: они плоски и для всех одинаковы и недолговечны. Хорошие стихи объемны. Они — как архитектурное сооружение. Они едины для всех, и в то же время каждый видит их по-своему, со своей точки зрения...» То же самое, думаю, можно с полным правом сказать и о басне.

Трудно даже перечислить все жизненно важные темы, затронутые Николаем Фотьевым в его баснях. Но нельзя не сказать, что Фотьев, пожалуй, первый, кто всерьез коснулся в баснях проблем сельского хозяйства. На наш взгляд, до него никто еще — ни раньше, ни теперь — не подходил к этим проблемам так близко, с таким знанием дела и так всеобъемлюще, как он.

Отличаются злободневностью и другие его басни, на самые различные темы. Пишет ли он о «вещей» Вороне, и мы сразу представляем себе довольно многочисленную прослойку обывателей, воображению которых можно было бы только позавидовать, если бы направлено оно было на благие цели. Они и о повышении цены на хлеб раньше всех «узнают», и войну в три счета напророчат. И ведь даже не покраснеют, если все это в конце концов окажется обыкновенным враньем...

Рассказывает ли баснописец в аллегорической форме о некоей Огуречной плети, которая в своем стремлении вверх дошла до того, что просит освободить ее от родных корней, и в итоге, лишившись их, засыхает. И ясно, что речь в басне идет о тех отщепенцах, что ищут пристанища в так называемом капиталистическом «раю», а потом возвращаются с повинной, убедившись, что «рай» тот скорее похож на крошечный ад.

Конечно, не все басни Николая Фотьева и в новой книжке одинаковы по своим художественным достоинствам. Некоторым из них недостает юмора, другим — сатирической злости, третьи излишне грубоваты. Едва ли могут украсить текст такие выражения, как «обмыть — хоть кровь из носу», «наевшись, наконец, до рези, до отрыжки» и т. д. Юмора в них мало, а натуралистичность едва ли когда способст-

вовала повышению художественного уровня произведений.

Но надо сказать правду: выше приведенные цитаты я взял из сборника более чем десятилетней давности. Возникает вопрос: для чего? Ведь в новой книжке их нет. Например, вместо строки «обмыть — хоть кровь из носу», стоит иное: «обмоем, чтобы не было износу». Ответ в связи с этим таков: Фотьев умеет прислушиваться к критике, как бы ни было больно слушать ее, и в конце концов самокритично реагирует на замечания. Было бы хорошо, если бы иные молодые поэты следовали этому мудрому правилу. А то ведь чаще всего видишь неприятие критики, капризность, сетования на жесткость и даже «жестокость» критических замечаний.

Но, читая новую книжку Фотьева, обратил я внимание на вот какого рода нелепости. Читаю следующее:

И с той поры у Шавки в штате
Зверьки и звери поступали так,
Как делала она когда-то,
Входя к Топтыгину в доверье.

Рифмы, как видите, никакой. Мы с Николаем Фотьевым давние друзья. Читаем друг другу написанное, делимся планами. При последнем разговоре с ним по поводу новой книги я спросил, как понять такую несурязицу. В ответ автор только махнул рукой и прочитал наизусть действительный текст:

И с той поры у Шавки в штате
Служили так зверьки и звери,
Как делала она когда-то,
Входя к Топтыгину в доверье.

Далее, при разговоре, выяснилось, что в басне «Вверх корнями» исчезла строка «стал результатов ждать» и следующая, рифмующаяся с ней строка таким образом повисла в воздухе. Как это могло случиться?.. Почему?.. Небрежность редактора и корректора?!.. Не только. Оказывается, автор даже корректуры не читал. Но ведь это же явное нарушение авторских прав со стороны издательства.

Но как бы то ни было, сборник вышел. Я прочел его с радостью. Думаю, большое удовольствие доставит он и всем другим читателям.

Басня! В произведениях Николая Фотьева жив он, этот древний жанр.

И. ЕРЕМИН.

□ □ □

СЕРЬЕЗНАЯ ЗАЯВКА

Еще недавно о чукотской поэзии говорили, имея в виду в основном творчество трех поэтов: Виктора Кеулькута, Антонины Кымытваль и Михаила Вальгиргина. Однако в последние годы на Чукотке звучало и много других ярких, самобытных голосов. Владимира Тынескина, Елены